

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ХРИСТИАНСТВО И БАПТИЗМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

**EVANGELICAL CHRISTIANS AND BAPTISTS IN THE RUSSIAN FAR EAST BEFORE
AND DURING WORLD WAR II**

Потапова Н. В.

Сахалинский государственный
университет, кандидат
исторических наук

Ключевые слова: геополитика, Великая Отечественная война, евангельское христианство, баптизм, советское государство.

Keywords: Geopolitics, Great Patriotic War, evangelical Christianity, baptism, the Soviet state.

Аннотация. В данной статье рассматривается геополитический аспект деятельности верующих евангельских христиан и баптистов на Дальнем Востоке России накануне и в годы Второй мировой войны, изменения оценки этой деятельности в 1920 – 40-е гг. с точки зрения интересов советского государства на Дальнем Востоке.

Abstract. This article discusses the geopolitical aspect of the believers of evangelical Christians and Baptists in the Russian Far East before and during World War II, changes in estimates of this activity in 1920 – 40 from the viewpoint of the Soviet state in the Far East.

На протяжении всех этапов отечественной истории распространение на территории нашего государства (Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации) евангельского христианства и баптизма рассматривается как некая угроза национальной идентичности, разрушающая духовные основы отечественной цивилизации. Дальний Восток с дореволюционных времен являлся одним из центров развития русского евангельского христианства и баптизма, поэтому вопрос о геополитическом значении деятельности этих конфессий в регионе, где российские цивилизационные основы и без того слабы в силу объективных исторических причин, встает особенно остро. Активная евангелизационная деятельность представителей этих конфессий, их широкие связи с зарубежными миссионерскими организациями, их антимилитаристские взгляды, активная работа с молодежью и пр. на «периферийном» геополитическом пространстве, по мнению соотечественников, являются угрозой национальной безопасности, целостности нашего государства.

Главным геополитическим интересом советского государства на Дальнем Востоке в предвоенный период было обеспечение безопасности дальневосточных границ с целью не допустить отделения Дальнего Востока от России. Это означало, в частности, недопущение распространения симпатий дальневосточного населения другим – империалистическим государствам, которые были достаточно широко развиты в первой половине 20-х гг.¹ Главными геополитическими факторами, конкурентами СССР здесь были США и Япония. Как свидетельствуют архивные документы, мысль о необходимости отделиться от Советской России «витала» в дальневосточном обществе с момента революции и вплоть до конца 30-х гг. На этом фоне критерием «вредности» для новой власти и «несоответствия» геополитическим интересам молодой страны любой организации или индивидуума были их связи и отношения с «заграницей».

На Дальнем Востоке в условиях затянувшейся гражданской войны и военной интервенции активно действовали зарубежные протестантские христианские миссии, молодежные христианские организации и т. п., в результате была создана массовая база для распространения евангельского христианства и баптизма. Несмотря на провозглашенную Временным правительством и подтвержденную советской властью свободу совести, к деятельности указанных конфессий новое государство относилось с подозрением, видя в них конкурентов в борьбе за умы и

души советских людей, особенно на фоне их бурного развития в 20-е гг. Исследователи едины во мнении, что за период НЭПа в СССР баптизм вырос в самую крупную протестантскую конфессию. На Дальнем Востоке число верующих в евангельских общинах в 1921–1925 гг. увеличилось в четыре раза². До середины 20-х гг. действующие на Дальнем Востоке общины, по сути, подчинялись не всероссийским центрам, а зарубежным, которые финансировали их деятельность, присылали литературу и пр.³ Это давало возможность обвинить любого баптиста или евангельского христианина в контрреволюционной деятельности, связях с империалистическими кругами Запада или Японии⁴.

Особенно недоверие к баптистам усилилось на Дальнем Востоке со времени открытого восстания в январе 1924 г. против советской власти в Амурской области, во главе которого встали представители известной баптистской семьи Чешевых (с. Тамбовка) братья Петр и Родион Чешевы, Михаил Чешев (последние два «талантливые баптистские проповедники»), Илья Чешев и др. Планировалось, что восстание охватит Амурскую и Забайкальскую губернии и Западную Сибирь. Было сформировано Амурское областное временное правительство, председателем которого был избран Родион Григорьевич Чешев⁵.

Дальневосточные баптисты продолжали поддерживать контакты с зарубежными единоверцами и во второй половине 20-х гг. В дальневосточной прессе в тот период отмечалось: «Нельзя забывать, что, например, баптисты – международная религиозная организация, усердный слуга капитала... И вот эти баптисты имеются и у нас на Амуре в количестве 4 тыс. чел. Порвали ли они связи с мировым объединением баптистов? Ничуть не бывало. Обязательны ли для наших баптистов постановления международных баптистских съездов? Да! Поддерживается ли живая связь с границей? Да!»⁶ Отмечая широкое распространение баптизма и его влияние на население Амурского округа, один из активных «безбожников» В. Майгула писал, что «большую помощь им оказывают наезжие «гастролеры» из Америки вплоть до практикантов американских баптистских школ ...»⁷

Особенно остро был поставлен вопрос о деятельности представителей этих конфессий в конце 20 – 30-х гг., когда надежды на мировую революцию не оправдались и была поставлена задача «выживания отдельно взятой страны в условиях вражеского окружения». На этом этапе геополитический аспект в оценке деятельности евангельско-христианского движения в СССР, на наш взгляд, стал

определяющим. В предвоенный период обвинения в связях с империалистическим Западом, в шпионаже стали основой для массовых репрессий среди верующих этих конфессий. В апреле 1929 г. на втором Всесоюзном съезде воинствующих безбожников была принята резолюция, в которой говорилось, что «религиозные организации в лице их верхушек, проповедников, активистов являются политической агентурой... и военно-шпионскими организациями международной буржуазии». Вслед за этой резолюцией вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», были внесены изменения в четвертую статью Конституции РСФСР. В новой трактовке проповедь Евангелия и деятельность с привлечением новообращенных людей в церкви понимались как преступление перед законом государства и подлежали наказанию⁸.

В это же время в центральной безбожной прессе раздувается миф о заграничных связях баптистов и в связи с этим – их контрреволюционной сущности. В 30-е гг. в безбожной литературе часто муссируется мысль, что «баптисты-шпионы продавали военные тайны СССР... В последнее время эта шпионская работа приняла особенно большие размеры...»⁹. Распространяются порочащие сведения о зарубежных «сектантах»¹⁰, например, о руководителе меннонитов Германии Мартенсе, припоминали участие в амурском восстании и недавние тесные контакты с зарубежными миссиями: «...Яснее ясного, что капиталисты не давали денег зря. Они надеялись под прикрытием религии укрепить на советском Дальнем Востоке контрреволюционные силы»¹¹. В 30-е гг. припомнили и то, что дозволялось в 20-е гг. – высокую оценку деятельности Ллойд Джорджа в баптистской литературе периода Первой мировой, пацифизм и пр.¹²

Многочисленные архивные документы ОГПУ-НКВД свидетельствуют об активном сопротивлении мероприятиям Советской власти на Дальнем Востоке в период коллективизации, голода и широкого забастовочного движения¹³ и связи с этим – надеждах определенных слоев населения на отделение Дальнего Востока от Советской России¹⁴. В архивах хранится, например, воззвание «К народу русскому от приморских восставших людей», призывавшее: «...выступить... сразу по крайней мере всей Сибирью или от Забайкалья до океана. А на это и в России откликнутся...»¹⁵ Особую обеспокоенность вызывали у новой власти эти настроения в приграничных, слабо укрепленных районах, социальной базой для таких идей были зачастую сектантские селения¹⁶. Архивные

документы свидетельствуют, что в этот период представители одного из направлений евангельского христианства (меннониты) на фоне очень тяжелого экономического положения немцев-переселенцев, голода поддерживали эмиграционные настроения, вследствие чего немцы-переселенцы целыми колхозами уходили на территорию Китая¹⁷.

Из справки УГБ УНКВД по ДВК Далькрайисполкому о контрреволюционной деятельности церковнослужителей и верующих за 1937 г. явствует, что «церковники и сектанты за последнее время распространяют злостные контрреволюционные, провокационные слухи... Ведут усиленную агитацию за отказ от службы в Красной Армии... Церковники и сектанты поддерживают организационные связи с зарубежными контрреволюционными бело-эмигрантскими организациями, под влиянием которых и иностранных разведок проводят на территории ДВК антисоветскую деятельность и распространяют японофильские настроения»¹⁸. Итак, основные пункты, по которым можно выносить обвинительный приговор, были сформулированы, обращает на себя внимание наличие именно «геополитической» окраски в этих обвинениях.

Несмотря на преследования 1930-х гг., роспуск общин, закрытие молитвенных домов, аресты руководителей, верующие не прерывали религиозной жизни. Сохранялись небольшие тайные общины, молитвенные собрания проходили в частных домах и квартирах. К 1936 г. по ДВК из общего числа культовых зданий до революции – 489, закрыто было 475, не закрыто – 14, из них действовали – 8, в том числе – один молитвенный дом баптистов в Нижне-Амурской области и один – в Хабаровской области¹⁹. После принятия Конституции 1936 г. в некоторых местах, прежде всего в Амурской области, баптисты стали собираться открыто: «в г. Благовещенске, пос. Николаевке, Тамбовке, гор. Свободном и в др. местах, хотя эти общины и не были зарегистрированы, но поскольку им никто не запрещал делать собрания, они считали свои общины законными»²⁰. В 1937 г. местные власти предприняли все усилия для закрытия единственной зарегистрированной общины баптистов в Хабаровской области в г. Спасске, которую возглавлял Будимир М. О., югославский подданный, писавший многочисленные жалобы на незаконные действия местной власти и милиции, направленные на ликвидацию общины, Сталину, в Комиссию, Калинин, местным руководителям. В разгар репрессий – в 1937 г., он призывал к законности, апеллировал к демократической сталинской конституции²¹.

Великая Отечественная война потребовала мобилизации не только всех организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен переписи 1937 г. не было секретом, что значительная часть населения Советского Союза относилась к категории верующих²². В течение первых двух военных лет к верующим стали относиться лояльнее, гонения прекратились, государство фактически заняло позицию невмешательства в религиозную жизнь страны. В различных районах страны стали открываться, хотя и без юридического оформления, церкви и молитвенные здания. Свернута была всякая публичная антирелигиозная пропаганда и прекращена деятельность Союза воинствующих безбожников. На страницах официальной прессы стали появляться публикации о патриотической деятельности различных конфессий²³. Если накануне войны идеолог и руководитель безбожников Е. Ярославский по инерции еще писал антирелигиозные статьи²⁴, то изменение отношения к религии и верующим после начала Великой Отечественной войны не заставило себя ждать – в октябре 1941 г. он же сделал «Доклад об отношении религиозных организаций и церковных служителей к нападению гитлеровской Германии на Советский Союз», в котором отметил, как будто не «вопреки», а «благодаря», что «в нашей стране, где обеспечена трудящимся свобода совести, все руководители религиозных обществ... выступили с манифестами с призывом бороться за Советский Союз»²⁵.

Для советского руководства было важно поставить все религиозные организации под жесткий контроль государства и одновременно сделать их управляемыми. Но это – внутривластные задачи. Уже к концу 1941 г. отчетливо проявилась и внешнеполитическая значимость религиозного вопроса²⁶. Внешнеполитический фактор был связан с процессом формирования антифашистской коалиции, когда пришлось выстраивать отношения с недавними идеологическими врагами, считаться с их мнением. В изменении положения верующих в СССР заинтересовано было, прежде всего, руководство США, испытывавшее давление общественного мнения, давно настроенного против гонений, осуществлявшихся в СССР, что создавало, например, проблемы с экономической помощью, с получением согласия Конгресса на поставки по ленд-лизу. Евангельско-христианские церкви, миссионерские организации, широко распространенные в США, имеющие большой политический и экономический вес, на протяжении 1920 – 30-х гг. неоднократно

поднимали вопрос о положении верующих в СССР и, несмотря на репрессии, поддерживали контакты с единоверцами в СССР²⁷. Геополитические опасения СССР на счет планов США на Дальнем Востоке (и возможной роли в усилении их позиции в регионе евангельского христианства) в условиях развернувшейся мировой войны отошли на второй план. Кроме того, потепление отношений между государством и религиозными организациями нейтрализовало воздействие фашистской пропаганды, изображавшей Германию защитницей религии в России. Руководство СССР не могло не учитывать, что немцы в оккупированных районах открывали церкви и закрывать их после освобождения территории от захватчиков было бы нецелесообразно. Изменение вероисповедной политики в СССР вызывало одобрение как союзников по антигитлеровской коалиции, так и мировой общественности, что повышало авторитет и страны, и ее руководства, предстоящая освободительная миссия Красной Армии представлялась более гуманной и привлекательной, создавалась возможность организации блока «дружественных» государств в будущем.

В годы войны патриотическая позиция, которую заняло большинство духовенства и верующих, вступила в прямое противоречие с тем стереотипом о социально-политических воззрениях религиозных организаций, который насаждался советской официальной пропагандой в общественном сознании в предвоенные годы. Внешним проявлением патриотической позиции стали в тот период неоднократно распространявшиеся патриотические воззвания руководства конфессий, которые направлялись в действующую армию и в тыл, призывая верующих исполнить свой гражданский и христианский долг. В первые дни войны – 28 июня 1941 г. – Всесоюзный совет евангельских христиан (ВСЕХ) распространяет обращение, призывающее «дорогих братьев и сестер во Христе» к борьбе с фашизмом²⁸. В мае 1942 г. лидеры бывшего Союза баптистов СССР и номинально существующего ВСЕХ подписали, объединившись во Временный Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов²⁹, «Письмо-воззвание ко всем баптистам и евангельским христианам в СССР». Воззвание заканчивалось словами: «Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной в суровые дни, которые мы переживаем. Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая родина должна остаться свободной»³⁰. Далее последовали аналогичные патриотические письма, воззвания, обращения, в том числе, например,

«Обращение о сборе на постройку самолета. 14 января 1943 г.» (на собранные деньги был построен самолет «Милосердный самаритянин» для вывоза в тыл тяжелораненых солдат)³¹.

Параллельно созданию государственного органа, призванного выстраивать отношения с РПЦ – Советом по делам РПЦ (СДРПЦ), созданным в 1943 г.³², в 1944 г. создается орган, занимавшийся делами неправославных конфессий, – Совета по делам религиозных культов (СДРК) при СНК СССР³³. В своей общей линии в церковных вопросах СДРК исходил из политики «централизации культов», т. е. создания подконтрольной и управляемой структуры, позволяющей охватить максимально широкое число действующих общин данного направления, с которой Совет и должен был входить в непосредственный контакт. Одним из религиозных направлений, которому Совет уделял самое пристальное внимание, было евангельское движение. В годы войны в среде верующих вновь стал дебатироваться вопрос о возможности объединения евангельских христиан и баптистов³⁴. Как указывалось выше, с 1942 г. действовал Временный Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов. В июле 1944 г. председатель Совета М. А. Орлов обратился в СДРК с просьбой разрешить проведение в Москве совещания представителей евангельских христиан и баптистов для организационного оформления объединенного центра. 26-29 октября 1944 г. в Москве состоялось совещание представителей Всероссийского союза евангельских христиан и Союза русских баптистов. В итоговой резолюции говорилось об объединении двух союзов в один – Союз евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ) со Всесоюзным советом как руководящим органом. Очевидно, будет упрощением видеть в создании ВСЕХиБ (позднее – ВСЕХБ) исключительно реализацию инициативы верующих³⁵, давно задуманное, но не получавшееся объединение евангельских христиан и баптистов на этом этапе не обошлось без непосредственного участия государственных структур.

В годы войны изменяется оценка деятельности конфессий с точки зрения геополитических интересов государства. Если в предвоенный период (20 – 30-е гг.) отношение советского государства к деятельности евангельских христиан в стране, и на ДВ в частности, колебалось от «осторожно-избирательного» до «однозначно-негативного», то в ходе войны произошла переоценка роли конфессий в обслуживании геополитических планов государства. Изменение международного положения СССР, произошедшее в ходе войны, в результате которого СССР

превратился из региональной державы в мировую, привело к тому, что государство перестало опасаться конфессии, рассматривать их как конкурентов в борьбе за человеческие души, как непосредственных и опасных проводников зарубежного влияния. Наоборот, было решено поставить зарубежные связи, в частности евангельско-христианского братства, на службу геополитическим интересам СССР.

В условиях войны на Дальнем Востоке с 1942 г., одновременно с массовым выселением немцев из колхозов, Тамбовского и Ивановского районов Амурской области, собрания верующих протестантов были запрещены³⁶. Запрет этот касался в первую очередь общин верующих немецкой национальности. Баптисты в Хабаровске продолжали собираться и в военные годы: «...в 1944 году, сестры-старицы А. Д. Гурьева и Э. Я. Чиркова собрали рассеянных чад Божьих, всего около сорока человек, и начали собираться для молитвы в доме Терентия Ефимовича Литвинова»³⁷. В г. Благовещенске до конца войны верующие собирались на молитвенные собрания по домам, местные власти в отношении их каких-либо действий не предпринимали. Во Владивостоке во время войны евангельские христиане и баптисты объединились и стали проводить собрания в доме верующей Горящей, пресвитером группы стал Яценков³⁸.

Активизация религиозной жизни евангельских христиан-баптистов на советском Дальнем Востоке, так же, как и во всей стране, произошла в конце Великой отечественной войны. Наиболее сильные общины не замедлили воспользоваться возможностью регистрации и легальной деятельности. В 1945 г. по окончании войны с Германией одной из первых была зарегистрирована Хабаровская община евангельских христиан-баптистов (230 человек), которую возглавлял В. И. Косицын³⁹, он стал первым старшим пресвитером евангельских христиан-баптистов (в структуре ВСЕХБ) по Дальнему Востоку. В 1945 г. были зарегистрированы общины г. Благовещенска (220 чел.) и с. Бичевая (50 чел.). В эти годы Хабаровск стал центром баптизма на Дальнем Востоке (до 1930-х гг. центром был г. Благовещенск). В Приморском крае ни в годы войны, ни в последующее десятилетие не было зарегистрировано ни одной общины евангельских христиан-баптистов. Абсолютное большинство общин евангельских христиан и баптистов Амурской области, Приморья и Хабаровского края заявления на регистрацию не подавали, действовали неофициально. В Камчатской и Магаданской областях в годы войны

деятельность евангельских христиан-баптистов зафиксирована не была⁴⁰.

Особая ситуация сложилась к концу Второй мировой войны на территории современной Сахалинской области (остров Сахалин и Курильские острова), ставшей на исходе войны ареной боевых действий между СССР, выполнявшим союзнические обязательства, и Японией. После окончания Мировой войны Южный Сахалин и Курильские острова вошли в состав Советского Союза. Происходило объединение в единое жизненное пространство южной и северной частей Сахалина, сорок лет развивавшихся в условиях разных государств, что наложило отпечаток и на религиозную ситуацию в области.

На советском Северном Сахалине в первой половине 40-х гг. действовали пережившие репрессии 30-х гг. незарегистрированные общины баптистов в г. Александровске и пос. Мгачи. В 1944 – 1945 гг. верующие подавали заявления на регистрацию. СДРК 22 ноября 1945 г. принял решение об открытии молитвенного дома в г. Александровске⁴¹. Религиозная община евангельских христиан-баптистов г. Александровска, насчитывающая в тот период 60 человек, стала единственной официально зарегистрированной в области до 1960 г.⁴² Руководителем был С. С. Чеченков, с 7 ноября 1944 г. он находился в Александровске на духовной службе⁴³. На японском Юге Сахалина до начала военных действий, то есть до 1945 г., насчитывалось более 250 храмов, в том числе пять протестантских храмов⁴⁴. Уточнить конфессиональную принадлежность протестантских храмов не представляется возможным, так как советские источники называют храмы либо протестантскими, либо баптистскими, что воспринималось как синонимы. Судя по документам полицейского управления губернаторства Карафуто, к этому времени на Карафуто, появляются нетрадиционные христианские религиозные организации⁴⁵. Архивные источники тех лет сообщают, что почти все верующие выбыли по репатриации, и отмечали, что «по всем проводимым религиозным обрядам оба храма похожи на секту баптистов» и дальнейшее пребывание священников в городах Южного Сахалина «крайне нецелесообразно, отправка их при первой же репатриации является необходимой»⁴⁶. Уже к сентябрю 1947 г. в области остается одно молитвенное здание – молеальный дом баптистов в г. Александровске, деятельность всех японских храмов на юге острова прекратилась.

Таким образом, в годы Второй мировой войны на фоне смягчения государственной конфессиональной политики и образования в 1944 г.

подконтрольного государству ВСЕХБ стала меняться оценка государством геополитической роли деятельности конфессий. От непримиримой борьбы с евангельскими конфессиями и открытых репрессий государство переходит к созданию видимости лояльного отношения к религии и верующим и использованию их в своих геополитических целях. На этой основе к концу войны в связи с наступлением новой геополитической эпохи, началом «холодной войны», созданием блоков противостоящих государств советским руководством была осознана необходимость расширения своего влияния на максимально возможное число факторов мировой политики, создание благоприятного международного имиджа страны. Это рассматривалось как необходимое условие решения проблемы национальной безопасности, предупреждения военного столкновения. Зарубежные связи через ВСЕХБ теперь не пресекались и даже приветствовались, но в строго дозированном количестве, под строжайшим контролем СДРК и спецслужб и в целях сугубо политических, основной из которых была показательная борьба за мир. В этом смысле Дальний Восток в последующем стал форпостом (Хабаровск), через который выстраивались такого типа отношения с верующими Японии, Юго-Восточной Азии, США.

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-348. Оп.1. Д. 20. Л. 101.

² ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 2. Л.1.

³ Вайнштейн, С. Сектантское движение в городе Владивостоке / С. Вайнштейн // Антирелигиозник. – 1932. – № 7 – 8. – С. 38; Кандидов, Б. Интервенция на Дальнем Востоке и роль сектантства (1918 – 1922 гг.) / Б. Кандидов // Безбожник. – 1932. – С. 8–9; М. К. Мировая буржуазия о положении церквей в СССР // Безбожник. – 1930. – № 2. С. 17; Балалаева, Н. М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859 – 1936) : дис. ... докт. ист. наук / Н. М. Балалаева. – М., 1971. – С. 318.

⁴ ГАХК. Ф.П-2. / Оп. 1. Д. 773. Л. 201–204 (дело С. А. Фалькова); Урсынович, С. Религиозное и антирелигиозное движение на Сахалине / С. Урсынович. // Антирелигиозник. – 1931. – №11. С. 18–20. Безбожник. Сектанты в Дальневосточном крае // Антирелигиозник. – 1927. – № 8. – С. 27.

⁵ Процесс зазейских белобандитов // Амурская правда. –1924. – 24 апреля – 10 мая. – С. 2–3; Балалаева, Н. М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859 –1936) : дис. ... докт. ист. наук / Н. М. Балалаева. – М., 1971. – С. 542–556.

⁶ Покровский. Классовая сущность сектантства / Покровский // Амурская правда. – 1928. 17 октября. – С. 2.

⁷ Майгула, В. Сектантство на Амуре / В. Майгула // Тихоокеанская звезда. – 1927. – 8 июля. – С. 3.

⁸ Узков, И. Против религии, за воинствующее безбожие / И. Узков. – Хабаровск, 1930. – С. 28.

⁹ Кандидов, Б. Сектантская контрреволюция и шпионаж / Б. Кандидов // Безбожник. – 1937. – № 9. – С. 3–4.

¹⁰ Исповедь сектантского волка // Безбожник. – 1933. – № 4. – С.12–13.

¹¹ Запороженко, И. Сектантское мракобесие на Дальнем Востоке / И. Запороженко // Безбожник. – 1933. – № 12. – С. 14; Кандидов, Б. Религиозные организации как агентура японского империализма / Б. Кандидов // Антирелигиозник. – 1937. – № 7. – С. 27–35.

¹² Путинцев, Ф. Сектанты в годы мировой войны / Ф. Путинцев // Антирелигиозник. – 1934. – № 4. – С.5–9.

¹³ ГАХК. Ф. П-2. Оп.1. Д. 379. Л. 231; Ф.П-2.Оп.1. Д. 483. Л. 32; Ф. П-2. Оп.1. Д. 605. Л. 492, 493 и др.

¹⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп.1. Д. 66. Л. 103–113, 114; Ф.П-2. Оп.1. Д. 242. Л. 84, 85, 106–114 и др.

¹⁵ ГАХК.Ф. П-2. Оп.1. Д. 379.Л. 5–6.

¹⁶ ГАХК.Ф. П-2. Оп.1. Д. 378. Л. 356–386; Ф.П-2. Оп.1. Д.770. Л.12–70.

¹⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп.1. Д. 298. Л. 75, 79; Ф.П-2. Оп.1. Д.378. Л.81.

- ¹⁸ Религия и власть на Дальнем Востоке России : сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001. – С.200–201.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 583. Л. 2–4.
- ²⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 587. Л. 10–13.
- ²² Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой отечественной войны. 1941-1945) / М. И. Одинцов. – М., 2005. – С.63.
- ²³ Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой отечественной войны. 1941-1945) / М. И. Одинцов. – М., 2005. – С.64.
- ²⁴ Например, статья Я. Емельянова «Не успокаиваться на достигнутом», написанная в январе 1941 г. (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 1. Д. 90.)
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 93.
- ²⁶ Васильева, О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: автореф. дис. ...докт. ист. Наук /О. Ю. Васильева. – М., 1999. – С.24.
- ²⁷ Фаст, А. А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. (Документы и материалы) /А. А. Фаст. – Барнаул, 2008. – С.51–52.
- ²⁸ Обращение ВСЕХ, 28 июня 1941 года // Архив Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ).
- ²⁹ Савинский, С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. (1917–1967). –Ч. 2 /С. Н. Савинский. – СПб, 2001. – С. 145–146.
- ³⁰ Письмо-воззвание ко всем баптистам и евангельским христианам в СССР, май 1942 г. // Архив РС ЕХБ.
- ³¹ Все упоминающиеся документы находятся в архиве РС ЕХБ.
- ³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- ³³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 38.
- ³⁴ Попытки объединения евангельскими христианами и баптистами предпринимались и в предшествующие десятилетия. В данный период инициатива верующих оказалась созвучной новым тенденциям государственной вероисповедной политики.
- ³⁵ История баптизма : Сб. – Вып. 1 / Одесская Богословская семинария; сост. и предисл. С. В. Санников. – Одесса, 1996. – С. 401–403.
- ³⁶ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–2.
- ³⁷ История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М., 1989. – С. 477.
- ³⁸ История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М., 1989. – С. 478.
- ³⁹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.
- ⁴⁰ Сердюк, М.Б. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941–1954) : монография / М. Б. Сердюк, М. С. Дударенок. – Владивосток, 2009. – С. 107–114.
- ⁴¹ Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 7. Д. 80. Л. 56; Ф. 53. Оп. 7. Д. 80. Л. 51.
- ⁴² В 1960 г. она была «снята с регистрации», до 1981 г. на территории Сахалинской области не было зарегистрированных религиозных объединений.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 104. Л. 73; Ф. 53. Оп. 1. Д. 81. Л. 29.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 1012. (на яп. яз.)
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 81. Л. 10–12.